

Глава 1.15. Дело о разводе

Поскольку госпожа Сяо решила поправить свое душевное состояние, уж раз слова были ею сказаны – значит сейчас же все будет ею и сделано. Ее не покидала мысль – поскольку дочь так долго находилась и росла рядом с злокозненной Гэ-ши, необходимо во что бы то ни стало учить ее заново, выбрать верное учение о сердце и индивидуальной природе человека, и все это должно быть не хуже, чем у учёных древности.

На второй день она отослала Шаошан более десяти связок бамбуковых дощечек, которые были разделены на четыре книги «Цзи-цзю-чжан»*, четыре тома «Фань-цзян пянь»**, несколько томов «Цан-цзе пянь»***. Неизвестно было ли это оттого, что год близился к завершению либо в тот век совершенно не было в обычае заниматься репетиторством, одним словом, госпожа Сяо не нашла для Шаошан никого, кто бы специально ее посещал как наставник. Поэтому обычно госпожа Цин Ли и Чэн Шаогун или первый освободившийся из них обучал ее нескольким иероглифам, впрочем, это происходило не каждый день.

*字书-jíjùzhāng – так называют элементарный учебник или азбуку. Но в Древнем Китае было несколько книг с подобным названием, а из-за того, что автор новеллы не задал исторические рамки своего произведения, непонятно о чем идет речь: 1- возможно имеется ввиду каллиграфическое произведение, «Цзи-цзю-чжан», созданное в период Троецарствия У Хунсяном (胡先) либо 2- Книга по каллиграфии, созданная Ши Ю (时优) во времена династии Западная Хань, для обучения детей грамоте, расширения знаний и расширения кругозора в Древнем Китае, часто использовалась в качестве учебника грамоты и учебника по общим знаниям в древние времена.

**方言- fānjiāngriān – написано Сымой Сянжу во времена императора Ву из династии Западная Хань. Эта книга по филологии, которой в то время пользовались как учебником по обучению грамоте в местных государственных и частных школах, а также как основа для экзаменов.

***仓颉篇cāng jié piān – «Список Цан-цзе», один из трех учебных рифмованных списков иероглифов, подготовленных в процессе унификации и реформы письменности при дин. Цинь (221-207 до н.э.).

Иногда госпожа Сяо снисходила до того, чтобы прийти и показать Шаошан как правильно держать кисть, одновременно высказываясь, что выучив все эти книги, ей еще нужно начать декламировать по памяти базовые основополагающие древние книги – конфуцианской школы, даосской школы, академической школы стратегии, «Книгу песен»*, «Чуские строфы»**, рифмованную прозу Сыма***, изготавливать ароматические палочки, расставлять цветы, метать стрелы в вазу****, играть в цуцзюй – и все, что еще вообще можно вообразить. Это был ее путь к тому, чтобы оказаться достойной, добродетельной девушкой из богатой и знатной семьи.

*诗经shījīng «Шицзин», «Книга песен» – один из древнейших памятников китайской литературы; содержит записи древних песен, гимнов и стихов различных жанров, созданных в XI—VI вв. до н. э.

**[]chǔ cí «Чуские строфы» – сборник поэтических произведений 3 в. до н.э.

***[]sīmǎ fù – скорее всего автор имеет в виду большой пласт наследия Сыма Сянжу ([][][]), китайского государственного деятеля и поэта времен династии Хань, он был изобретателем жанра тяоцинъ – исполнение стихов под аккомпанемент гуциня, и сочинял стихи в жанре фу.

****[]tóuhú метание стрел – старая застольная игра.

Шаошан в душе не одобряла этого, она была решительно настроена в будущем жить на заработанное самой и намеревалась учиться вообще не всему вот этому, а просто более-менее узнать иероглифы, однако эти древние книги... Более того, изучив иероглифы, и не тратить попусту время, а начать выполнять практическую работу. Потерпев дня два, она в конечном счёте не удержалась, сказав:

-Ничего не мешает неторопливо заучивать наизусть книгу, но теперь дочь думает немного разобраться и изучить экономику хозяйства и принципы торговли.

Кто же знал, что госпожа Сяо легко, одной фразой, попросту пошлет ее:

-Чтение и способность понимания прочитанного являются во всем основой. Если понимаешь прочитанное, то не может быть никаких опасений, что в будущем не добьешься чего-то в этом мире.

Шаошан теперь поняла, как в свое время ни с того ни с сего страдал молодой Ян Го*: тебе срочно требуется изучить боевые искусства, чтобы выжить, однако она предлагает тебе не спешить, а запомнить нравоучительные тексты, на которые всегда можно опереться в тот день, когда тебя ударят! И дело не в том, что Шаошан не упомянула об этом своему большому покровителю – Чэн Ши, ведь способ противостояния госпожи Сяо, заключающийся в том, чтобы искусно оперировать цитатами из канонов и опираться на классиков, не способен выдержать даже папочка Чэн. Вследствие этого, она только и могла, что продолжать учиться, запоминать на память иероглифы, сидеть дома, увы и ах!

* [] yáng guò – главный герой романа о боевых искусствах писателя Цзинь Юна «Легенда о героях-кондорах» и производных от него произведений.

Вскоре на улице начался сильный снегопад. Северные земли простирались на возвышенности, и холод здесь стоял сильный, хлопья снега, падая вниз, не таяли, и на земле толстым пуховым ковром лежал снег, покрывая улицы сплошным безбрежно-белым, похожим на муку тонкого помола, слоем.

Младшие братья, отцы и сыновья семьи Чэн, те несколько человек, в эти редкие дни не выходили, не навещали друзей и не принимали гостей. Члены одной семьи, как в прошлые годы, подобно выходцам из простой семьи, в это время садились вокруг печи, около которой разговаривали и, смеясь, пили вино. Что касается веселья, находившиеся здесь три брата семьи Чэн деревянными палочками для еды стучали по винным кубкам и пели громкими

голосами народные песни о родном крае. Песни, пожалуй, грубые, но их звонкие голоса кружились вокруг колонн, и когда они достигли своих пиков, к ним подключались голоса госпожи Сяо и Сан-ши, вторя, и вся толпа пела с таким весельем, что даже слуги, совершающие обход или подметающие все в округе, переглядывались и смеялись. Из молодёжи своими способностями их смогла немного догнать лишь Чэн Ян, остальным только и оставалось, что, весело смеясь, хлопать в ладоши и ударять ими об стол.

Матушка Чэн сама была не способна различать тональности и не могла правильно спеть даже половину мелодии, но теперь смотря на дом, полный детей и внуков, наслаждалась всем, была чрезвычайно веселой и даже к двум не радующим ее глаза невесткам не придиралась. Откуда всем было знать, что в это время служанка внезапно доложит: господин Гэ прибыл.

Чэн Чэн уже поднял в воздух деревянные палочки для еды, чтобы ими ударить, но они внезапно упали с дребезжанием на стол, уставленный едой, а на его лице появилась паника.

Люди обменялись растерянными взглядами, никто не знал как поступить.

Хотя Чэн Ши и отправил посланников известить семью Гэ обо всех возникших вопросах, но полагал, что вестник прибудет только после наступления Нового Года, откуда ему было знать, что сейчас за четыре дня до Нового Года, старый господин Гэ, напротив, приедет лично. Чэн Чэн растерялся и в тот момент, вставая со своего места, даже опрокинул винную чашу, только Чэн Ян, начиная с того времени, как стало известно, что старый господин Гэ взял с собой старшего сына и невестку, засверкала глазами и была не в состоянии утаить возбужденное выражение лица.

Усы и волосы старого господина Гэ были с проседью, раздобревшая фигура, простая одежда, – по-видимому, из-за того, что второпях отправился в дорогу, на лице следы многих пережитых трудностей. Рядом, с левой и правой стороны, его поддерживают старший сын с невесткой, помогая. Трое членов этого семейства, все с любезными лицами, теплой речью, относились к тем людям, которые с первого взгляда заставляют полагать окружающих, что они хорошие люди. Шаошан никак не могла связать их с коварством мерзкого характера Гэ-ши. Выслушала, что говорила Ляньфан – старый господин Гэ привез с собой больше десяти телег, вероятно, груженных свининой, бараниной, рисом, просом, вином, сушёными фруктами и подобными им товарами к Новому Году.

Матушке Чэн было неудобно важничать, она спешно вышла встречать их, сзади следовала сдерживающая эмоции Чэн Ян, в конце концов, не удержалась, вышла вперед из толпы, упав на колени перед старым господином Гэ, сквозь слезы сказала:

-Дедушка, дядя, тетушка!

Тетя Гэ торопливо шагнула вперед, помогая подняться Чэн Ян, тут же в ее глазах появились слезы, она так и не смогла совершенно скрыть свой любящий взгляд и, успокаивая Чэн Ян, гладила ее по лицу, бормоча:

-...Наша Ян Ян так выросла, намного лучше выглядит!

Чэн Ян плакала и смеялась одновременно, обхватив руками тетюшку Гэ, не соглашалась ее отпускать, страстно желая зарыться головой в ее мягкий подол одежды, прося тетю сейчас же взять ее и положить за пазуху и отнести обратно в семью Гэ, и только так и будет правильно. Дяде Гэ было неудобно отпускать пожилого отца и отойти самому, он только и мог, что вывернуть шею, рассматривать все под таким странным углом, выражение озабоченности на его лице – это то, что может показать только по-настоящему любящий отец, многословно говоря при этом:

-Ян Ян, твой дядя привёз множество вещиц! Ян Ян, не нужно плакать, не нужно плакать, посмотри как холодно, отморозишь себе еще что-то на личике... – по правде говоря, эти слова были довольно бестактны, только никто из людей не стал придирааться к ним.

Шаошан неторопливо сделала шаг назад, с лица медленно сошла озорная улыбка, спокойно оперлась на край входной галереи, потом не спеша сама спряталась в отдаленном уголке, и вплоть до того времени, пока люди не обменялись приветствиями, а затем, направившись во внутренние помещения резиденции, не ушли, только тогда она медленно вышла наружу; опустила голову и разжала зажатый кулачок, в центре белоснежной ладони были четыре глубоких темно-розовых отпечатка ногтя. Наблюдая издали за уходящей в сторону толпой людей, Шаошан развернулась и, не заботясь о том, что минуту спустя госпожа Сяо будет читать ей нотации, вернулась в свой дворик.

Она не имела претензий к Чэн Ян, видя ее обычные слова и поступки, такие искренние и сердечные, она понимала – ее очень хорошо учили.

Лишь с самого раннего детства она знала, что в этом мире самое отвратительное событие – не то, что родители всегда холодны с ней, а то, что, в наблюдении со стороны за рядом находящимися замечательными родителями проходит время, а до нее все никак не доходит очередь.

.....

У госпожи Сяо не было времени смотреть за ней, делая все в большой спешке, она собиралась позаботиться о комнатах для трех человек из семьи Гэ, дополнительно нужно было устроить сопровождающих большого обоза семьи Гэ; увидев, как она хлопчет, не чуя под собой ног, Сан-ши вызвалась помочь и отправилась в охраняемое место, где много дней подряд сидела Гэ-ши, по-прежнему не выходя из старого господского дома, следовало привести ее в порядок, чтобы в таком виде вернуть ее семье Гэ.

Гэ-ши не могла все это время выходить из своих комнат, она только и делала, что ела и спала, спала и ела, поэтому не только не исхудала, а ее щеки, вопреки ожиданиям, стали во много раз упитаннее, узнав позже, что пришли люди из ее семьи, она самодовольно сказала:

-Подождите все немного! Все эти дни я подвергалась несправедливым обидам, я настаиваю на несогласии с вашим заявлением!

Сан-ши недоверчиво уставилась на нее:

-Ты считаешь, что твой отец пришел открыть тебе глаза? – не говоря уже о том, что ныне семья Чэн являлась уже не такой, как была в те времена, когда ещё не разбогатела, но они никогда не относились к семье Гэ с подобострастностью.

Гэ-ши была подавлена, пусть ее и заперли, но все же сообщали некоторые новости снаружи; она также знала, что Чэн Ши получил награды и повышение, сама же она уже не могла ничего контролировать и упрячилась скорее всего по инерции.

Сан-ши чувствовала, что если продолжит говорить с Гэ-ши, то ее собственный коэффициент умственного развития может снизиться, немедленно приказала служанке-телохранителю, направленной госпожой Сяо, отвести опальную невестку во внутренние помещения резиденции нового дома, а если будет сопротивляться, пусть тогда люди вытащат ее силой.

А в это время во внутреннем помещении резиденции по-прежнему горела печь, нагревая всю комнату, но уже больше никто не веселился, как только что братья Чэн, колотя по винным кубкам и распевая во весь голос, наслаждаясь проведенным временем. Младшее поколение отпустили, вновь подали вино и к нему закуску, но никто не брался за палочки для еды, во всем доме стояло неловкое гробовое молчание, даже Чэн Ши с его хорошо подвешенным болтливым языком, не знал с чего начать разговор, в конечном счёте старый господин Гэ заговорил, положив начало.

-... этот старик жалел ее – еще маленькой она потеряла свою мать, а я чрезмерно избаловал ее. Знаю множество неподобающих дел, сотворенных ею, но всё-таки предпочел попросту отдать ее замуж в семью Чэн и лишь стал источником горечи для всех, столько лет терпели, и здесь – этот старик прежде всего просит прощения!

С этими словами он повернулся к матушке Чэн и Чэн Ши, намереваясь броситься на землю, отвешивал поклоны, по обе стороны от него дядя Гэ и тетя Гэ вслед за ним принялись кланяться, матушка Чэн, испугавшись и переоценив себя, всем телом попятилась назад, почти опрокидывая еду со стола, Чэн Ши быстро шагнув вперед, энергично поднял старого господина Гэ, говоря снова и снова, что это недопустимо.

Сидя на коленях в стороне, Гэ-ши пронзительно завизжала:

-Отец! Что ты говоришь! Семья Чэн нанесла мне многочисленные обиды... – не ожидая, когда она закончит говорить, дядя Гэ, больше не сдерживаясь, внезапно поднялся и подошел к ней несколькими широкими шагами, размахнувшись, дал изо всех сил пощечину Гэ-ши, ее щека прямо на глазах стала бордово-фиолетовой, и она рухнула на пол.

-С твоего рождения отец никогда не противоречил тебе, сколько лелеял, ты когда-нибудь хоть на сутки проявляла любовь к родителям?! День за днем скандалила и безобразничала! Отцу в этом году – уже семьдесят, ради тебя, невзирая на ветер со снегом, несколько дней подряд он спешил все ночи напролет, а ты до сих пор даже чувство вины не испытываешь, ты... ты попросту сволочь! Скотина!

В свою очередь дядя Гэ, тоже уже будучи дедушкой, среди сельских жителей пользовался в значительной степени авторитетом, но ему потребовалось из-за никчемной младшей сестры несколько дней подряд в холод и пургу ехать и просить прощения у семьи Чэн, вспоминая о невзгодах пожилого отца, превосходящих его собственные, отчего он приходил в безудержный гнев.

У Гэ-ши от удара помутилось в голове, подняв голову и видя дядю Гэ, она могла только скрежетать зубами от ненависти, глаза ее наполнились кровью, однако испугавшись и став неуверенной в себе, ей оставалось лишь склонить голову и не позволять себе снова открывать рот.

Старый господин Гэ так и не посмотрел на свою дочь, поднявшись, он сел около Чэн Ши, держа его за руку, продолжая говорить о всяких дурных поступках Гэ-ши, с одной стороны, объяснял, с другой стороны, извинялся, искренне сожалел, и, говоря прямо, совсем смутил Чэн Ши, тот сказал:

-Старый господин напротив заставил нас стыдиться. Когда в то время я взял в руки оружие, если бы не старый господин и его помощь провиантом и фуражом, как бы я был способен...

Старый господин Гэ замахал рукой, останавливая речь Чэн Ши, вздохнув, он сказал:

-Генерал, не стоит снова касаться этого в разговоре, исключительно моя дочь, невежественная замужняя женщина, была способна изо дня в день повторять слова обо всех этих обозах с провиантом и фуражом. В те времена был абсолютный беспорядок во всем мире, бедствия войны и разбойники набирали сил и разрастались, у моей семьи имелись небольшие средства, однако мы были беззащитными. Ведь пасти жадных людей были нацелены на кусок плодородной земли, и вокруг были те, кто разорил неисчислимое количество семей. К счастью, генерал призывно взмахнул нам рукой, и мы только поэтому уцелели с соседями. Что же касается того события с предателем Чэнем, генералу совершенно не стоит обращать на это внимание...

С этими словами он горько усмехнулся:

-Проще говоря, тот Чэнь, предатель, повсеместно грабил зажиточные семейства, в какое бы место он не отправился, в том месте все уничтожалось дотла. Отнимал силой деньги, после чего не щадил ограбленных людей. Если бы в прошлом генерал погиб, практически неотвратимо семью Гэ стерли бы с лица земли. Разве можно передать словами нашу благодарность!

Фактически же все эти слова уже вертелись в голове Чэн Ши, он сознавал, что совсем ничего не был должен семье Гэ, однако сейчас старый господин Гэ сам высказал их, кроме того, каждое слово было произнесено от всей души, и он снова почувствовал себя неловко. Только и мог сидеть молча и одновременно думать, что с этим порядочным человеком во много раз труднее иметь дело, чем с любым негодяем.

Старый господин Гэ, повернувшись к матушке Чэн, сказал:

-По правде говоря, такую замужнюю женщину, как моя дочь, если бы ее дали моему дому в качестве невестки, я бы не принял; все благодаря тому, что семья Чэн великодушна и до сих пор терпела ее. Последнее десятилетие я жил в деревне, отрезанной от новостей, и предполагал, что с годами она постепенно успокоится, и характер тоже, медленно, но улучшится, однако выслушивая отчеты посыльных, только тогда понял, что это проклятие – наказание за грехи мои – не только, да что там – не исправится никогда, кроме того, перешло всякие границы, лишь мучая сына... – с этими словами он повернулся и посмотрел на Чэн Чэна, сказав со слезами: – Я не смог наставить хорошо дочь свою, причинив этим тебе вред...

Чэн Чэн уже не находил себе места, теперь просто бухнулся на колени рядом со старым господином Гэ, тоже со слезам на глазах проговорил:

-Вам не нужно так говорить, я тоже, я также не прав, она изначально...

Чэн Чэн говорил, что ему по-прежнему требуется изложить пережитое и о своих ошибках. В душе Чэн Ши тихо ворчал на то, что он такая размазня, к тому же ему трудно объясняться.

Кто же знал, что старый господин Гэ тем не менее не станет попрекать его и возвращаться к вопросу еще раз, а продолжал говорить дрожащим старческим голосом:

-Не говори ничего. Ты с детства сильно привлекал меня, старика, – как мог я не видеть твои моральные качества? Сначала я думал, что в этой жизни быть тестем и зятем – весьма благоприятная судьба, но я не думал, что заставлю тебя терпеть множество страданий и подорвать твой дух! Каким я вижу тебя собственными глазами сейчас! Поэтому сегодня ты немедленно оформишь отпускное письмо, и я уведу ее за собой, возвращу домой, это наказание мое! Со временем, со временем, если ты увидишь меня и признаешь соседского старика, сможешь звать меня дядюшкой – это и будет верно!

Говоря такое, пожилой человек уже сам заливался слезами, Чэн Чэн не в состоянии сдержаться, плакал вместе с ним в голос.

Хотя он и испытывал отвращение к Гэ-ши, однако с детства хорошо относился к этому помогающему слабым, сочувствующему бедным доброму и гуманному старому господину, испытывая к нему большую привязанность. В детские годы, кроме того, думал, как бы было хорошо иметь такого отца как старый господин Гэ и сперва, только женившись на Гэ-ши, в глубине души всё же чувствовал удовлетворение, однако и не предполагал, что когда-нибудь попадет в такую ситуацию как сегодня.

Сначала Чэн Ши считал, что это заурядное дело, но на его решение требуется очень долгое время, и даже не думал, что старый господин Гэ будет настолько прямолинеен. Он был вне себя от радости и намеревался сразу же все уладить, да вот только, глядя на троих человек из семьи Гэ и Чэн Чэна, расстроенных так, что плакали в голос, в этой трогательной атмосфере, возможно ли, чтобы он сам не в силах сдержать свою радость, тут же звал людей разложить таблички на письменном столе и, взмахнув кистью, написать отпускную жене?! Это кажется неблагодарным и неблагородным делом – так грубо разрушить трогательную атмосферу.

Чэн Чжи, который долгое время не отвечивал, перестал наконец-то молчать, поднявшись с места, подошел к ним и, прочистив горло, сказал:

-Господин Гэ, допускаю, что мои слова незначительны, но сейчас приближается Новый Год, в это время писать отпускную жене... пожалуй, это настолько плохое знамение...

Чэн Ши, вздохнув, сказал с облегчением:

-Точно, точно. Лучше...- он повернулся из стороны в сторону, ему только что пришло в голову, что госпожа Сяо под предлогом устроить семью Гэ сбежала отсюда, не удержался, неслышно заворчал на жену, такую плутовку, быстро скрывшуюся. Где ему искать идеи в этот момент?!

Сан-ши заметила, что все это вряд ли кончится добром, немедленно вскинувшись, бросилась на помощь, сказав мягким голосом:

-Давайте лучше сделаем так. Так или иначе после Нового Года второй старший брат поедет учиться на гору Байлу. Почему бы старому господину Гэ не забрать и не отвезти домой того человека, возвратившись назад и немного подождав...- взвешивая формулировки, она продолжила, - и подождав какое бы ни было окончательное решение. А моя семья пошлет после этого гонца в деревню. Милостивые господа, как смотрите на такое?

Как только эти слова прозвучали, люди семьи Чэн перевели дух, все почувствовали - «сначала поселимся врозь, потом расторгнем брак» - было хорошим планом, так обе семьи сохранят свое лицо и не дойдёт до немедленного разрыва отношений.

За дверью госпожа Сяо дослушала до текущего момента, беззвучно оттянула назад стопу, в качестве одной из главных жертв Гэ-ши она на самом деле не хотела вмешиваться и входить туда. Она войдет, и что скажет? Ей бы не стало легче, если бы она сказала доброе слово о Гэ-ши, однако говорить неприличные слова - неизбежно добить лежачего, подумав, что старый господин Гэ, на самом деле является великодушным, искренним и благородным человеком, лучше всего для нее все же было не показываться.

Выйдя во двор, где на всем пути по очень толстому снежному покрову уже протоптали дорожку ходившие туда-сюда люди, и под звук скрипящего снега госпожа Сяо думала - все равно больше ей нечего делать, всё-таки прежде следует пойти и вразумить дочь; откуда было знать, что как только она подойдет к дверному проему дома Шаошан и прежде чем сбросит обувь на лестницу перед входом в зал, она услышит, как из дома до нее донесётся теплый и тягучий голос Цин Ли:

-...как могла княжна уйти самостоятельно? Даже не спросив о благополучии старого господина Гэ? Это было чересчур невежливо.

А затем послышался томный смех Шаошан:

-Этот старый господин, путешествующий вместе с таким количеством людей, неужели приехал

просто навестить родственников? Эта семья приехала совершить «большое дело». Для чего там младшее поколение? Смотреть, как второй дядя пишет отпускную жене? Это я в течение десяти лет находилась около второй тетушки постоянно, мне «отдавали свои силы», неужто старый господин согласится и пожелает сказать мне – внучке – «извините меня»? Позавчера матушка, возвратясь, говорила, что в будущем я должна избегать слов, что правильно, а что неправильно в отношении старшего поколения, и я сейчас как раз стараюсь это делать. Тем более, после того как я ушла, вскоре пришли три старших брата, их конечно же отослали... как только начался серьезный разговор. Тетя Цин, вот скажи, пожалуйста, редко, когда старший брат и второй старший брат имеют свободное время и приходят поговорить со мной об университете, что видели и слышали в нем, а ты твердой рукой взяла и прогнала их...

У дочери великолепный ораторский талант, да еще говорит разумно, да еще и ластится, а Цин Ли некоторое время просто молчит.

Госпожа Сяо за дверью медленно покачала головой, на ее взгляд, с собственной дочерью справляться намного труднее, чем с восемнадцатю Гэ-ши, вместе взятыми, прошло только несколько дней, а Цин Ли уже не является достойным противником Шаошан в речах.

Самостоятельно уйти и быть отосланной старшими – это одно и то же? Спасибо, что она хоть не лезет за словом в карман.

–...само собой разумеется, уйти самостоятельно или быть отосланной старшими – два разных действия, – внезапно сказала Шаошан, – я не успела обдумать тщательно это, тетя Цин, немного погодя, помоги мне поговорить с матушкой, по правде говоря, как только я ушла, то немедленно поняла, что это неподобающе. В будущем, несомненно исправлюсь.

Теперь Цин Ли совершенно нечего было сказать, сразу сжалившись над девочкой, хлебнувшей горя, находясь в руках Гэ-ши, теперь она испытывала неприязнь к людям семьи Гэ и ее не следует осуждать, через короткое время к тому же признала, что слова девочки разумны, встретившись и спросив о самочувствии, сложно избежать затруднительного положения, лучше потихоньку уклониться и уйти, не раздумывая.

Госпожа Сяо нахмурилась, в ее голове сразу же всплыли несколько фраз: мудрости достаточно, чтобы отвергнуть совет, слов достаточно, чтобы украсить неправду.

<http://tl.rulate.ru/book/77281/2815096>